

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

02.9477 - P814

THE LIBRARIES
COLUMBIA UNIVERSITY

5727

8.6

РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ

ПО ВОСТОЧНОМУ СКЛОНУ КАРПАТЪ.

(ГУЦУЛЫ — БОЙКИ — ЛЕМКИ.)

СОЧИНЕНИЕ

Нилъ Поповъ.

МОСКВА.

—
1867.

РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ

ПО ВОСТОЧНОМУ СКЛОНУ КАРПАТЪ.

(ГУЦУЛЫ — БОЙКИ — ЛЕМКИ.)

СОЧИНЕНИЕ

Нилъ Попова.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К^о),
на Страстномъ бульварѣ.

1867.

302.9477
Р814

405431

Дозволено цензурою. Москва. Апрель 6-го дня, 1867 года.

45545 P MAR 2 1967 USA

РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ

ПО ВОСТОЧНОМУ СКЛОНУ КАРПАТЪ.

Карпатами вообще называется цѣпь горъ, берущая свое начало у лѣваго берега рѣки Дуная подъ городомъ Пресбургомъ (венгерскимъ Пожуномъ), идущая за тѣмъ по направленію отъ запада къ востоку, причемъ она служитъ границей между Словацкимъ и Польскимъ населеніемъ, а дойдя до верховьевъ рѣки Сана, поварачиваетъ на юго-востокъ, отдѣляя Галицію отъ Венгріи, и оканчивается близъ города Оршова лежащаго на лѣвомъ же берегу Дуная у самыхъ границъ Валахіи, Трансильваніи и Сербіи. Этотъ горный хребетъ былъ прародиною Славянъ, разселившихся потомъ по восточной и средней Европѣ, — и теперь еще у Карпатъ сходятся этнографическія границы большинства славянскихъ народовъ: на дальномъ сѣверо-западномъ концѣ ихъ сходятся поселенія Чеховъ, Словаковъ и Поляковъ, на сѣверо-востокѣ—Словаковъ и Русскихъ; къ южной оконечности Карпатъ примыкаютъ границы Сербскаго и Болгарскаго племенъ, отдѣленныхъ отъ сѣверныхъ Славянъ Румынами и Мадьярами. Карпаты занимаютъ собою великую восточную равнину Европы, занятую большею частію русскимъ племенемъ, и раздѣляютъ водные бассейны Вислы и Днѣстра отъ притоковъ Дуная и Тиссы. Вся средняя цѣпь ихъ занята исключительно русскимъ племенемъ. Нося общее имя Карпатъ, эти знаменитыя въ Славянской исторіи горы имѣютъ нѣсколько частныхъ названій. Такъ Малыми Карпатами или Бѣлявами называется та горная цѣпь, которая отдѣляетъ Моравію отъ Венгріи и возвышается надъ уровнемъ моря на 1500 или 2000 футовъ;

затѣмъ идутъ Татры, отдѣляющіе Венгрію отъ австрійской Силезіи и восточной Галиціи, постепенно возвышающіяся и доходящія въ отдѣльныхъ вершинахъ своихъ отъ 3000 до 5000 и даже до 6000 футовъ, а между нижними или восточными Татрами есть горы въ 8000 футовъ. Бѣлявы и Татры покрыты лѣсами, которые нерѣдко прерываются долинами, откуда сбѣгаютъ рѣки Морава, Нитра, Грань, Вага и Попрадъ. У верховьевъ Вислы Татры значительно понижаются и получаютъ названіе Бескидовъ, возвышающихся до 2000 футовъ и рѣдко переходящихъ въ отдѣльныхъ вершинахъ 3000 и 4000 футовъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ Карпаты начинаютъ пускаться въ обѣ стороны отъ себя небольшія отрасли. Достигнувъ подъ именемъ Бескидовъ русскихъ поселеній, Карпаты являются подъ своимъ собственнымъ именемъ, которое не покидаетъ ихъ до самой южной оконечности; но въ народномъ говорѣ можно услышать множество мѣстныхъ названій: Черный Лѣсъ, Черныя Горы, Полонины, Покутскія Горы и т. д. Рѣки Сань, Днѣстръ, Стрый, Быстрица, Бѣлый и Черный Черемошь, вытекающія изъ этихъ горъ, орошаютъ восточную Галицію. Все русское населеніе, спускающееся отъ этихъ вершинъ къ днѣстровскимъ долинамъ, носитъ общее названіе Гораловъ, т. е. горцевъ. Что же касается мелкихъ наименованій, то ихъ очень много: наиболѣе извѣстны имена Лемковъ, Бойковъ и Гуцуловъ. Первые соприкасаются съ польскимъ населеніемъ, послѣдніе съ румынскимъ, а Бойки занимаютъ средину между ними. Мы будемъ говорить здѣсь вообще о Горалахъ, и только въ концѣ скажемъ нѣсколько словъ о характеристическихъ отличіяхъ между Гуцулами, Бойками и Лемками. *)

*) Пособіемъ при этомъ намъ служили слѣдующія сочиненія: *Zubrzycki Dion.*, Gränzen zwischen der russinischen und polnischen Nation in Galizien; Lemberg, 1849.—*Temple Rud.*, Die Gebirgsbewohner in Galizien. Beitrag zur Völkerkunde des Kaiserthum Oesterreich (Separat-Abdruck aus den „Mittheilungen der K. K. geographischen Gesellschaft,“ IV Jahrg., I Heft); Wien 1860.—Huculové, horáci Tatranští (въ чешскомъ журналѣ „Svetozor“ за 1834 годъ). — Гуцулы, этногра-

Гораль силенъ тѣломъ и духомъ: его тѣлосложеніе соотвѣтствуетъ особенностямъ почвы, на которой онъ живетъ; онъ крѣпокъ и красивъ, часто отличается исполинскимъ ростомъ; движенія его необычайно быстры, ловки, исполнены жизни; въ лицѣ у него есть что-то истинно-благородное. Онъ прямодушенъ, чистосердеченъ, набоженъ до суевѣрія, чувствителенъ, сострадателенъ, тароватъ, гостепріименъ, уменъ, отваженъ до безразсудства, терпѣливъ, пользуется крѣпкимъ здоровьемъ и постоянно веселъ. Обыкновенно онъ успѣваетъ почти во всякомъ предпріятіи, потому что за все принимается съ жаромъ и усердіемъ; если ему нужно куда-нибудь ѣхать или идти, его не удержать ни вѣтеръ, ни непогода. Его откровенность и чистосердечіе обнаруживаются какъ въ дѣйствіяхъ, такъ и въ рѣчахъ; всякому онъ желаетъ добра. Но такъ какъ добрые люди обыкновенно бываютъ довѣрчивы, то Гораль ни въ комъ не подозрѣваетъ дурнаго. Однакожъ, если разъ онъ извѣдаетъ зло, если при своихъ промыслахъ, внѣ своихъ родимыхъ горъ, онъ будетъ тамъ и сямъ обманутъ, или кто-нибудь употребить во зло его природное добродушіе, то его естественныя качества вмгъ измѣняются и жажда мести закипаетъ въ его груди. Не рѣдко не имѣя возможности отмстить тому человѣку, который обманулъ его, или поступилъ съ нимъ не справедливо, онъ мститъ уже всѣмъ людямъ, ко всѣмъ питаетъ недовѣріе, всѣхъ обманываетъ. Вотъ почему многіе путешественники приписываютъ Горалу врожденную мстительность; но это совершенно не справедливо: подобная мстительность встрѣ-

оническій очеркъ (въ галицко-русскомъ календарѣ „Львовянинъ“ за 1861 годъ). — *Торонскій А. И.*, Русины-Лемки (въ „Зорѣ Галицкой“, альбомъ на 1860 годъ). — *Cesta po Halické a uherské Rusi, sdelená v listech od J. F. H. (Головацкаго)* въ журналѣ „*Časopis českého musea*“ за 1841 и 1842 года. — Пѣсни же жителей Карпатъ можно прочесть въ „Чтеніяхъ Московскаго Историческаго Общества“ за 1863—1866 годы, гдѣ напечатаны: „Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси“, собранныя профессоромъ Львовскаго университета *Я. Ф. Головацкимъ*.

чается только на югъ Европы, уроженцы, которой отличаея горячею кровью, не прежде успокаиваются, какъ отмстивъ челоуу, навлекшему на себя ихъ ненависть. Горные жители поступаютъ чистосердечно и откровенно со всякимъ, а потому имѣютъ полное право ожидать, чтобы и съ ними поступали также. Сердце Горала, доброе отъ природы, не создающей ничего дурнаго, возмущается въ виду поступковъ противоположныхъ его собственнымъ, и тогда все состояніе души его измѣняется: онъ хочетъ вознаградить себя за то что претерпѣлъ. Между тѣмъ нѣтъ челоука, съ которымъ бы такъ легко было примириться какъ съ нимъ; для этого стоитъ только ему убѣдиться въ чистосердечномъ раскаяніи обидчика, ищущаго примиренія: но это становится тѣмъ труднѣе, чѣмъ чаще Гораль подвергался обману.

Набожность его легко объясняется тѣмъ, что онъ живетъ на высотахъ, далеко отъ низменностей земли, ближе другихъ къ небу и окруженъ различными чудесами природы, которыя непрерывно напоминаютъ ему о всемогуществѣ Божіемъ. Такъ какъ онъ постоянно видитъ новыя естественныя явленія, происхожденіе которыхъ для него непонятно, то воображеніе его воспаляется и увлекаетъ его духъ въ очарованный міръ. То и дѣло носясь мыслию въ этой совершенно чуждой ему сферѣ, онъ невольно склоняется къ суевѣрію. Этой мечтательности Горала противоудѣствуетъ нѣсколько его всегдашнее, неутомимое трудолюбіе, порождающее въ немъ очень много добродѣтелей, которыя жителямъ низменностей, хотя не совсѣмъ чужды, однако менѣе свойственны. Бесплодная почва не вознаграждаетъ его труды и не рѣдко, несмотря на самую тяжелую работу, онъ подвергается величайшимъ лишеніямъ. Воздѣлывая пашню, онъ долженъ освобождать ее отъ множества камней и валуновъ, добывать изъ далека растительную землю, но и послѣ того почва доставляетъ ему много что картофель да немного овса. Эту скудную жатву, доставляемую почвой, которую онъ воздѣлываетъ съ тяжкимъ трудомъ и неутомимымъ усердіемъ, нерѣдко заваливаетъ снѣгъ, препятствующій собрать то, что у Горала

выросло въ достаточномъ, по его расчету, количествѣ для пропитанія въ зимнее время. Тѣмъ не менѣе, Гораль очень привязанъ къ своей почвѣ, столь плохо вознаграждающей его за мучительный трудъ, потому что считаетъ ее наслѣдіемъ отъ своихъ отцевъ. Для него плодороднѣйшія земли не имѣютъ той прелести, какую представляютъ ему эти каменистыя, обнаженныя, часто вовсе негодныя для воздѣланія горы.

Вслѣдствіе своей живой воспримчивости и мечтательности Гораль умѣетъ хорошо понимать чужое несчастье и бывая нерѣдко самъ несчастливъ, становится чрезвычайно сострадательнъ. При своей чувствительности, онъ естественно гостеприименъ. Дома Гораловъ устраиваются большею частію по одиночкѣ, нерѣдко на нѣсколько тысячъ шаговъ другъ отъ друга. Въ горахъ мало деревень съ домами близко между собою выстроенными, потому что каждое семейство имѣетъ надобность, для своего пропитанія, въ большомъ пространствѣ земли. Очень естественно, что будучи такъ отчужденъ отъ остальнаго міра, Гораль всегда радъ каждому постороннему, осыпаетъ его привѣтствіями, вводитъ въ свою уединенную хижину, которой бѣдная мебель вся имъ самимъ сдѣлана. Если прибывшій сверхъ того не изъ его края, то принимая его къ себѣ и угощая Гораль побуждается также и любопытствомъ.

Безспорно необходимы большое присутствіе духа, отвага и рѣшительность, чтобы гоняться за дичью по крутымъ скаламъ Карпатскихъ горъ, и нельзя не изумляться видя до какой степени Гораль свыкъся съ опасностью, какъ ему знакомы всѣ лоцины, ущелья, стремнины и пропасти горъ. Не менѣе того нужны ему ловкость, предусмотрительность, осторожность и присутствіе духа, когда онъ карабкается на вершину самой крутой скалы, срубаетъ растущее тамъ дерево, сбрасываетъ его въ стремящійся далеко внизу лѣсной ручей, и въ то же время держа въ рукѣ топоръ, быстро спускается внизъ въ ужасную глубину. Спустиась внизъ, онъ славливаетъ по одиночкѣ бревна, связываетъ ихъ въ плотъ и плыветъ на немъ при бурѣ и наводненіи къ опредѣленному мѣсту.

Но и разумъ горнаго жителя нельзя назвать не развитымъ, одичалымъ, такъ какъ для того, чтобы на каменистыхъ, черствыхъ, частымъ наводненіямъ подвергнутыхъ скатахъ Карпатскихъ горъ выростить нѣсколько плохого овса и картофлю, нужно по крайней мѣрѣ не менѣе терпѣливости, прилежанія, силы и природнаго ума, какъ на жирныхъ равнинахъ долинъ, простирающихся по Днѣстру, Сану, Вислѣ и т. д. произвести богатая обильная жатва, и притомъ опасаясь ежеминутно, что добытыя съ такимъ трудомъ растенія будутъ завалены снѣгомъ, или испорчены вслѣдствіе ранняго наступленія зимы. Горалы какъ люди весьма здоровые и крѣпкіе, будучи способны легко переносить всякую непогоду, всѣ затрудненія представляемыя стихіями, холодомъ, вѣтромъ и проч., преимущественно годятся для военной службы, такъ какъ привыкнувъ бороться съ жестокииъ холодомъ, бурями, наводненіями, бесплодностью почвы, они могутъ безстрашно сражаться съ людьми и безтрепетно стоять подъ выстрѣлами. Ограничиваясь пищей до крайности скромной, Горалъ всегда доволенъ своей судьбой. Ему достаточно куска хлѣба, хотя бы самаго черстваго; если же у него есть, сверхъ того, картофель и похлебка (*чуръ*), приготовляемая изъ муки и заквашеннаго крупно-смолоатаго овса, то онъ уже не пожелаетъ ничего болѣе.

Но чтобы пріобрѣсти и это скудное продовольствіе, онъ не можетъ полагаться на свою землю, усѣянную бесплодными горами и съ трудомъ могущую удовлетворять потребностямъ своего населенія. Горалу приходится искать другихъ средствъ для пропитанія себя съ семействомъ. Поэтому многіе горцы снабжаютъ не только свои окрестности, но и всю низменность до Вислы и далѣе досками, прутьями, столбами, и разнаго рода деревянною домашнею утварью, какъ-то: корытами, чумичками, скалками и проч. Они разносятъ также для продажи въ Краковъ, Перемышль и Львовъ разныя столярныя и токарныя издѣлія, весьма искусно выработанныя. Притомъ, такъ какъ всѣ они весьма искусны въ плотничьемъ мастерствѣ, то многіе изъ нихъ нанимаются плотниками въ городахъ и селахъ подгорья. Мно-

гіе въ пору сѣнокоса и жатвы и вооружаясь косой идутъ изъ горъ своихъ искать работы въ равнинахъ Галиціи или Венгріи; такихъ жнецовъ не рѣдко можно видѣть въ Банатѣ, Бачкѣ и т. д. Они прилѣжные работники, но большею частію предаются пьянству. Иные очень охотно берутся за ремесло торговцевъ, хомбшпковъ и добываютъ себѣ пропитаніе продавая грубый, домашняго издѣлія холстъ сушеные овощи, вяленую рыбу, самодѣльный деготь и т. д. Иные изъ нихъ работаютъ на существующихъ большею частію въ горахъ стеклянныхъ и желѣзныхъ заводахъ, а также въ имѣющихся въ восточной части ихъ края соляныхъ копяхъ и соловарняхъ, въ угольныхъ ямахъ, на поташныхъ заводахъ и проч.

Однакожь всѣ, которые въ лѣтнюю пору уходили искать на чужбинѣ занятія и заработка, при наступленіи зимы возвращаются съ пріобрѣтенными и сбереженными деньгами на родину, въ любезныя имъ горы, и тамъ потребляютъ тяжело заработанный кусокъ хлѣба.

Но нѣкоторые изъ этихъ горныхъ жителей не уходятъ лѣтомъ изъ горъ, а напротивъ при наступленіи весны, когда снѣгъ таетъ, взбираются выше въ горы и стогоняютъ туда овецъ, потому что травы растущія на высотахъ придаютъ болѣе вкуса овечьему молоку и сыру изъ него приготовляемому. Въ это время Горалы питаются молокомъ, сыромъ и сывороткой. Тогда на высотахъ устраивается значительное число пастушьихъ жилищъ (*шалашей*), состоящихъ изъ обгороженныхъ плетнями пространствъ (*кошары*), куда стгоняются овцы послѣ паствы и гдѣ онѣ остаются на ночь и изъ маленькихъ домиковъ называемыхъ *колиба*, въ которыхъ готовится сыръ изъ надоеннаго молока и ночуютъ *баки* и *югазы*. Овцеводству здѣшніе горцы научились, безъ сомнѣнія, отъ Мадыаръ; это доказывается тѣмъ, что у тѣхъ и другихъ старшій пастухъ называется *бака*, а простой пастухъ *югазь*. *Бака*, имѣющій подѣ начальствомъ многихъ *югазовъ*, выбирается обыкновенно изъ болѣе пожилыхъ пастуховъ; онъ не только умѣетъ лучше приготовить сыръ и пасти овецъ, но имѣетъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія во врачеваніи заболѣвшихъ лю-

дей и животныхъ. Разумѣется, врачевныя познанія его состоятъ большею частію въ шарлатанствѣ, такъ какъ онъ лѣчитъ болѣзни преимущественно заговариваньемъ и другими мистическими средствами. Если послѣ его таинственнаго врачеванія человѣкъ или животное не выздоравливаетъ, то говорятъ что они заколдованы.

Прекрасное зрѣлище представляется при наступленіи осени, когда стада овецъ съ лѣтнихъ пастбищъ пригоняются домой. Около стадъ снуютъ красивыя бѣлыя, очень крупныя пастушьи собаки, столь сильныя, что каждая изъ нихъ одна можетъ сладить съ волкомъ; въ этомъ случаѣ однакожь на помощь собакамъ споспѣшаютъ и пастухи, вооружаясь пылающими головнями, отъ которыхъ волки обращаются въ стремительное бѣгство. Вслѣдъ за стадами идутъ поющія дѣвушки и по праздничному одѣтые пастухи, которые играютъ на скрипкахъ, волынкахъ и пастушьихъ свирѣляхъ (*лигавка*); шестіе замыкаетъ бака, возсѣдая на конѣ; вокругъ него идутъ лошади, навьюченные разною въ употребленіи бывшею, пастушескою утварью, составляющею отличительный признакъ его достоинства. Возвращеніе стадъ въ зимнее помѣщеніе сопровождается празднествомъ у ихъ хозяевъ, которые получаютъ только извѣстную долю изъ приготовленнаго сыра (*брындза*).

Подобно всемъ Славянамъ Горалы любятъ пѣніе и пляски. Ихъ пѣсни созданіе ихъ романическаго воображенія—имѣютъ сходство съ Краковяками жителей береговъ Вислы, но иногда являются въ формѣ баллады, изображающей какое-нибудь страшное событіе. Эти баллады отличаются унылымъ характеромъ, при пѣніи не очень согласуются съ тактомъ, подражаютъ отголоскамъ горъ и лѣсовъ и бываютъ иногда мрачны подобно горамъ и лѣсамъ, подернутымъ туманомъ. Ихъ пляски, вообще сходныя съ сербскимъ *коло*, представляютъ Горалу случай выказать свою ловкость и проворство; высоко прыгая, онъ бросаетъ вверхъ палку съ придѣланнымъ къ ней наконечникомъ подобнымъ топору (*топорекъ*, а также *валашекъ*), и поймать ее очень ловко, машетъ ею надъ головой. Дѣвушки стоятъ въ кружкѣ,

выжидая минуты, когда придетъ ихъ очередь принять участіе въ пляскѣ.

Очень естественно, что у народа, постоянно живущаго въ прямомъ соприкосновеніи съ природой, чрезвычайно развиты метеорологическія свѣдѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ прикрашены нѣкоторымъ поэтическимъ блескомъ. Запасъ ихъ поэтическихъ произведеній состоитъ вообще изъ легендъ, сагъ и сказокъ. У нихъ существуетъ неискоренимая вѣра въ сверхъ-естественныя существа, обитающія будто бы въ ихъ горахъ.

Легенды ихъ обязаны своимъ происхожденіемъ христіанству; въ бѣльшей части самыхъ популярныхъ изъ нихъ повѣствуется о святой Кунигундѣ, о томъ на примѣръ, какъ для спасенія ея отъ дикихъ монгольскихъ ордъ ангелы устроили ей крѣпостцу на массѣ скалъ, у подошвы которыхъ бурно несетя пѣнистый Дунаекъ. Въ другой легендѣ разсказывается, что когда святая Кунигунда спасалась отъ этихъ варваровъ, то ступивъ на камень, вытиснула на немъ изображеніе своей ступни. О той же святой упоминается въ легендахъ о происхожденіи Попрада, объ отысканіи соляныхъ копей въ Величкѣ и проч. Равнымъ образомъ есть туземныя легенды о святомъ Іоаннѣ Дуклѣ, о святыхъ братьяхъ Гервасіи и Протасіи, и т. д.

О временахъ язычества еще напоминаютъ многія сказки и общая этимъ горнымъ жителямъ съ другими народами вѣра въ духовъ всякаго рода. Изъ послѣднихъ заслуживаютъ упоминанія такъ-называемыя *дивожены*, дикія женщины. По словамъ сказки это были сверхъестественныя женскаго пола существа безобразной наружности, звѣронравныя и чрезвычайно злыя. Ихъ длинныя волосы развѣвались по вѣтру какъ у фурій, весь животъ ихъ былъ покрытъ волосами; на головѣ онѣ носили красную шапочку. Дурную славу нажили онѣ себѣ тѣмъ, что воровали и обмѣнивали новорожденныхъ дѣтей, почему ихъ очень боялись. Онѣ сторожили дома, гдѣ были роженицы; прокрадывались къ послѣднимъ, когда тѣ оставались однѣ, особенно же когда уходили ихъ мужья; присвоивали себѣ новорожден-

ныхъ, оставивъ на мѣсто ихъ собственныхъ дѣтей безпокойныхъ, безобразныхъ горлановъ. Но по увѣренію сказокъ, ихъ можно было вынуждать къ тому, чтобъ они возвратили похищенное дитя. Мать украденнаго ребенка брала подкидыша, выносила его на кучу сору, секла розгами, кормила гнилыми яйцами и яичною скорлупой, постоянно твердя: „Возьми свое, отдай мое!“ Материнское сердце *дивожены* не могло снести воплей и плача терзаемаго ребенка, и она брала его назадъ, возвративъ украденнаго.

Въ большей части сказокъ главную роль играютъ сокровища, клады, драгоценные камни и металлы, различнымъ образомъ попавшіе во внутренность Карпатскихъ горъ. Такъ въ одной сказкѣ рассказывается о горѣ Гевонтъ (въ Сандечскомъ округѣ), что будто въ ней прикованъ къ алмазному столбу золотыми цѣпями монахъ, который осыплетъ величайшими драгоценностями того, кто его освободитъ. Но проходъ къ пещерѣ, гдѣ заключенъ этотъ монахъ, очень узокъ, не всѣми можетъ быть видимъ и въ немъ всякій огонь гаснетъ. Можетъ быть этими сказками только намекается, что и въ сѣверныхъ Карпатахъ скрываются такого же рода сокровища, какъ въ южныхъ.

Заслуживаютъ упоминанія свадебные обычаи Гораловъ; эти обычаи въ разныхъ Карпатскихъ мѣстностяхъ и въ нѣкоторыхъ мелочахъ отличаются другъ отъ друга, а потому не вездѣ одинаковы. Въ сѣверныхъ и среднихъ Карпатахъ и ихъ окрестностяхъ, какъ въ мѣстопребываніи истинныхъ Гораловъ, на свадьбахъ происходятъ слѣдующія празднества. когда приглашенные на брачное пиршество гости уже собрались въ большемъ числѣ и настало время отправиться въ церковь къ вѣнчанью, то распорядитель празднества (староста) требуетъ, чтобы жениха и невесту благословили. Родители невесты, обязанные приготовить и свадебное пиршество, становятся по срединѣ комнаты; невеста приближается къ нимъ, троекратно кланяется имъ въ ноги, а за нею тоже дѣлаетъ и женихъ. Мать и дочь даютъ волю своимъ слезамъ. Отецъ и женихъ воздерживаются отъ этого заявленія скорби, не приличнаго мушьянъ. Въ продолженіе этой церемоніи присутствующіе поютъ унылыя пѣсни, содержаниемъ

для которыхъ служить разлученіе матери съ дочерью. По окончаніи этой торжественной семейной церемоніи, молодые мужчины отправляются съ женихомъ къ двери, черезъ которую всѣ лица женскаго пола выходятъ по одиночкѣ изъ комнаты: при выходѣ каждой женщины или дѣвушки мужчины спрашиваютъ у жениха, не она ли его избранная, а онъ отвѣчаетъ отрицательно до тѣхъ поръ, пока явится невеста, которая выходитъ уже послѣ всѣхъ. Затѣмъ всѣ отправляются на повозкахъ и верхомъ, дабы скорѣе прибыть въ церковь. Во главѣ ѣдутъ верхомъ молодые люди; шляпы ихъ украшены цвѣтами и павлиньими перьями; они машутъ бѣлыми платками и палкою съ подобнымъ топору наконечникомъ, а также склянкою съ водкой; за ними слѣдуютъ повозки съ провожатыми невесты (друзки), со всѣми родственниками и знакомыми женскаго пола, въ числѣ которыхъ находится *старостиха* (старшая провожатая невесты); потомъ ѣдутъ повозки съ невестой, съ музыкантами, и наконецъ женихъ съ остальными приглашенными, болѣе пожилыми, степенными мужчинами. По дорогѣ поютъ и стрѣляютъ изъ пистолетовъ, и такъ продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока не проѣдутъ почти половину пути до церкви, а здѣсь, какъ скоро всѣ повозки проѣдутъ, нѣкоторые весельчаки изъ молодежи запираютъ дорогу веревкой, свитой изъ соломы, и выдаютъ себя какъ бы за полицейскую комиссію. Они допрашиваютъ жениха о его имени, происхожденіи, и требуютъ письменныхъ свидѣтельствъ. *Староста* отвѣчаетъ на вопросы, показывая видъ будто справляется съ своими бумагами, и даетъ показанія превратныя, смѣшныя до тѣхъ поръ, пока женихъ потерявъ терпѣніе, разрываетъ соломенную веревку и догоняетъ уѣхавшія впередъ повозки.

Послѣ вѣнчанія отправляются назадъ при пѣніи, имѣющемъ отношеніе къ происходящему событію; но ѣдутъ уже не въ родительскій домъ, а обыкновенно въ гостиницу, гдѣ приготовленъ почетный обѣдъ. Послѣ обѣда происходитъ нѣкотораго рода торгъ за молодую, именно, молодые люди поочередно представляютъ новобрачному всѣхъ провожатыхъ невесты, и наконецъ, самое новобрачную, пред-

лагая купить ту или другую за известную цѣну. Въ продолженіе этой торговли, сообразно обычаю, молодая покушается уйти, потому что теперь уже время приступить къ главному пункту церемоніи, именно къ возложенію ей на голову чепчика; но присутствующая молодежь ловить ее и принуждаетъ съѣсть. Тогда *старостига* подходитъ къ молодой, снимаетъ съ нея вѣнокъ, украшенный лентами и дарить его музыкантамъ. Потомъ она ударяетъ слегка молодую по щекъ и сверхъ того разбиваетъ объ ее спину глиняный горшокъ: это дѣлается для того, чтобы въ ея новомъ хозяйствѣ уберегалась всякая утварь. Наконецъ надѣваютъ ей чепчикъ, при чемъ новобрачная должна пропѣть нѣсколько грустныхъ стиховъ, имѣющихъ отношеніе къ этому обстоятельству. На слѣдующій день, послѣ полудня общество бывшее наканунѣ въ сборѣ, собирается вновь; тогда съ пѣніемъ накладываютъ на повозку приданое молодой, состоящее изъ постели со всѣми принадлежностями и съ кроватью, до росписнаго сундука съ одеждою новобрачной. При этомъ всѣ собравшіеся сопровождаютъ новобрачныхъ до жилища молодого, дабы осмотрѣть его хозяйственное заведеніе. Этимъ и оканчиваются брачныя празднества.

При похоронахъ замѣчательно только слѣдующее: послѣ того какъ священникъ благословитъ покойника въ могилѣ, каждый изъ родственниковъ и приглашенныхъ гостей бросаетъ на гробъ горсть земли; это основывается на древнеславянскомъ обычаѣ набрасывать на могилы дорогихъ покойниковъ холмы (могилы или вурганы). Разумѣется, что также какъ у другихъ славянъ, у Гораловъ и при похоронахъ, какъ при свадьбѣ и крестинахъ, необходима вода, *горылка*.

Одежда у Гораловъ простая и скромная. Она состоитъ изъ короткой рубашки безъ воротника, застегиваемой латунною пуговкой (*спинка*, застежка); изъ узкихъ, бѣлыхъ суконныхъ штановъ, въ родѣ венгерскихъ, достающихъ до лодыжки, стягиваемыхъ кожанымъ поясомъ, почти въ футъ шириною, который снабженъ латунными гвоздиками и петелками. Обувью ему служитъ *киртце*, т.е. кусокъ сыромят-

ной кожи, имѣющей форму башмака и привязываемый къ ногѣмъ снурокъ, который навивается вокругъ ноги на пя-денъ повыше лодыжки. На плеча они надѣваютъ короткій зипунъ изъ грубаго кофейно-цвѣтнаго сукна (называемый *гуна*), который ничѣмъ не застегивается и не подвязывает-ся. На голову, украшенную длинными кудрявыми волосами, Гораль надѣваетъ низкую, круглую шляпу или шапку изъ бараньей кожи; сверхъ того онъ вѣшаетъ черезъ плечо кожаную сумку, украшенную также латунными гвоздиками. Такова одежда Горала, носимая имъ во всякое время года; даже зимой въ самый жестокий морозъ грудь у него по-стоянно открыта, а потому очевидно, что онъ долженъ без-престанно предаваться неутомимой дѣятельности, дабы под-держивать въ своемъ тѣлѣ необходимую теплоту. Гораль всегда имѣетъ при себѣ палку съ подобнымъ топору нако-нечникомъ, но къ характеристическимъ особенностямъ его принадлежитъ еще то, что при встрѣчѣ съ какимъ-нибудь туземнымъ дикимъ звѣремъ онъ бросаетъ эту палку и раздѣляется со звѣремъ голыми кулаками.

Женскій костюмъ Гораловъ очень красивъ, только жен-щины ужъ слишкомъ много накутываютъ на себя бѣлаго по-лотна. Полотняныя рубашки ихъ, на шеѣ завязываемыя красною ленточкой, а также широкіе и короткіе рукава, иногда отороченные кружевами, покрыты шитьемъ изъ краснаго шелка. Передники ихъ, платье, головные плат-ки также бѣлые, льняные украшены цвѣтными узорами. Затѣмъ цвѣтная часть ихъ костюма состоитъ изъ узка-го, обыкновенно зеленаго корсета иногда съ золотыми или серебряными галунами, спереди зашнуровываемаго. Обувь у нихъ обыкновенно такая же какъ у мужчинъ, одна-кожь онъ очень любятъ красные или желтые сафьянные сапожки. Головной уборъ ихъ очень скромный: двушки украшаютъ голову разными лентами, висящими съ бока; женщины носятъ чепчики, покрытые платкомъ. Вообще Го-ралайки просты и наивны, но вслѣдствіе прекраснаго стана своего и красоты лица, составляющей у нихъ не рѣдкость, иногда впадаютъ въ суетность и кокетство.

Вся вышеприведенная характеристика болѣе всего можетъ

относиться къ такъ-называемымъ Бойкамъ. Переходимъ къ характеристикѣ южныхъ Гораловъ или Гуцуловъ.

Гуцулы, живушіе по скату Карпатскихъ горъ въ Станиславскомъ, Коломыйскомъ округахъ и въ Буковинѣ, по свойствамъ своимъ весьма немного отличаются отъ остальныхъ Гораловъ, такъ какъ общность мѣста жительства и образа жизни обыкновенно порождаетъ и одинакіе обычаи, и нравы. Мушны ихъ также высоки ростомъ, сильны, стройны, но вслѣдствіе своего смѣшеннаго происхожденія (отъ Кумановъ и Русскихъ), отличаются мрачными, суровыми лицами и нѣкоторымъ пренебреженіемъ не только относительно вѣтра и непогоды, но и людей. Нельзя также отрицать, что они самый грубый народъ въ Галиціи и не смотря на многія истинно Славянское качества, не чужды и многихъ пороковъ. Больше всего Гуцулы подвержены пьянству; водка (горылка) для нихъ высшее наслажденіе, безъ котораго имъ трудно обойтись. Въ ихъ землѣ жили страшный Добошь и другіе разбойники. Однакожь не смотря на нѣкоторую неровность нравовъ своихъ, Гуцулы очень высоко чтятъ добродѣтель. Честный, богобоязненный человекъ пользуется у нихъ особеннымъ, величайшимъ уваженіемъ. Гуцулы весьма усердно относятся къ религіи. Цѣлыя массы ихъ набожныхъ паломниковъ ежегодно посѣщаютъ горы Пацловскія (Саноцкаго округа), Калварію (Вадовичскаго округа) и знаменитую церковь помилованія въ Кобелянкѣ (Ясельскаго округа),—мѣста прославившіяся своими чудесами и отпущеніемъ грѣховъ. Передъ выходомъ изъ роднаго мѣста каждая партія богомольцевъ выбираетъ вождя, которому прочія обязаны повиноваться во все продолженіе пути; по дорогѣ же они громко поютъ религіозныя гимны. Если во время пути кто-либо изъ партіи провинится въ неуваженіи къ собственности своего ближняго, и его поймутъ, то на него жалуются вождю, который не только вынуждаетъ виновника вознаграждать причиненный имъ убытокъ, но сверхъ того строго его наказываетъ; притомъ провинившійся навлекаетъ на себя общее презрѣніе своихъ товарищей. Въ сказкахъ Гуцуловъ повѣствуется частію о сокровищахъ, которыя заключаются въ разныхъ скалахъ

и къ которымъ можно добраться съ помощью извѣстныхъ средствъ; частію объ извѣстныхъ всему русскому народу *русалкахъ*. Вѣра въ вампировъ, сосущихъ кровь чловѣка, также сильна у Гуцуловъ; многихъ еще не умершихъ людей они почитаютъ вампирами, а потому боятся ихъ и исполняютъ всѣ ихъ желанія, чтобы заслужить ихъ милость.

Пища Гуцуловъ состоитъ изъ молока, сыру, рыбы, ловимой въ разныхъ горныхъ ручьяхъ, въ ихъ округахъ находящихся, а также изъ дичи, которую они какъ хорошіе стрѣлки умѣютъ добывать часто противозаконнымъ образомъ. Земледѣліе находится у нихъ чуть ли не въ болѣе нлохомъ состояніи чѣмъ у другихъ Гораловъ, однакожъ они производятъ нѣсколько овса, изъ котораго пекутъ хлѣбъ. Между тѣмъ какъ Бойко обыкновенно спитъ ночью на лежанкѣ, или у хорошо истопленной печи, Гуцулъ спитъ на тюфякахъ, дѣлаемыхъ имъ самимъ изъ шерсти козъ, которыхъ въ его странѣ разводятъ очень много, или на рогожахъ и соломѣ. Кровать имѣютъ только женатые. Гуцулы издавна пользовались нѣкоторою свободой, такъ какъ будучи обитателями древней Покутіи (нѣкогда мѣсто ссылки и покаянія), они принадлежали къ помѣстьямъ польскихъ королей, и потому меньше страдали чѣмъ жители помѣстій, принадлежавшихъ духовенству или шляхтѣ.

Занятія у Гуцуловъ вообще почти такія же, какъ и у другихъ Гораловъ. Лѣтомъ они гоняютъ овецъ въ свои высокія Черныя горы и на Быстру (крутую высоту), гдѣ остаются до сентября или октября. Во все это время женщины остаются однѣ дома, ткютъ обыкновенный холстъ, прядутъ овечью шерсть, сѣютъ немного кукурузы, сажаютъ картофель и т. д. Въ сентябрѣ или октябрѣ Гуцулы привозятъ внизъ изготовленный ими сыръ и накошенное сѣно; а если ранѣе обыкновеннаго выпадаетъ много снѣгу, то чтобы удобнѣе идти привязываютъ себѣ подъ ступни тоненькія дощечки. По Черемошу, Пруту и притокамъ Днѣстра они сплавляютъ доски и другой лѣсной товаръ, который для продажи въ равнинѣ они вырубаютъ въ нагорныхъ лѣсахъ. Вообще Гуцулы способны ко всякаго рода

торговль. Страна ихъ изрѣзана множествомъ рѣчекъ, доставляющихъ имъ для продажи рыбу, и въ томъ числѣ хорошую форель; въ лѣсахъ, кромѣ дровянаго и строеваго лѣса, они находятъ множество дичи всякаго рода и птицъ, особенно же дроздовъ. Даже быковъ, которыхъ лѣтомъ Гуцулы кормятъ и холятъ, имѣя въ нихъ надобность какъ въ тяглой скотинѣ, даже быковъ своихъ, не нуждаясь въ нихъ при наступленіи зимы, они промѣниваютъ въ ближайшихъ городкахъ на какой-нибудь товаръ, преимущественно же на водку и хлѣбъ. Никогда или чрезвычайно рѣдко разстаются они только съ однимъ домашнимъ животнымъ, именно съ малорослою лошадкой, особенной породы, которая чрезвычайно способна для ѣзды на верхъ крутыхъ скалистыхъ горъ и для переправы черезъ быстрые потоки. Въ этой странѣ и мужчины и женщины ѣздятъ верхомъ.

Гуцулы преимущественно предъ другими Горалами отличаются смѣлыми тѣлесными упражненіями, требующими гибкости, силы, проворства и ловкости. Напримѣръ если многіе Гуцулы хотятъ переправиться черезъ быструю рѣку въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ моста, то берутъ другъ друга за руку, и такимъ образомъ цѣпью безъ труда добираются до противоположнаго берега. Ихъ пляска, *Коломыйка*, требуетъ преимущественно упомянутыхъ свойствъ, и потому она исполнена граціозности. Эту пляску, часто сопровождаемую пѣніемъ, молодой парень выполняетъ держа въ одной рукѣ дѣвушку, а въ другой палку съ подобнымъ топору наконечникомъ, которую никогда не покидаетъ. Онъ то кружится, то склоняется къ землѣ, то опять вскакиваетъ, бросаетъ свою палку вверхъ и съ изумительною быстрою и ловкостью хватаетъ ее на лету; каждый прыжокъ представляетъ верхъ смѣлости и ловкости. При свадебныхъ празднествахъ и у Гуцуловъ все еще соблюдаются старинные обычаи ихъ предковъ. Мужъ беретъ себѣ жену безъ приданаго, только родители ея или попечители должны приготовить ей новое вѣнчальное платье. Объ остальномъ почти не заботятся: все это—говорятъ они добродушно,—съ Божиимъ благословеніемъ можно нажить при трудѣ и бережливости. Тотчасъ послѣ вѣчанія начинается веселье и пляс-

ки въ домъ у родныхъ новобрачной, или у самаго новобрачнаго, или въ гостинницѣ. На молодую надѣваютъ вѣнокъ изъ полыни въ знакъ того, что при супружеской жизни надо сносить не мало горькаго.

Во время пляски для того, чтобы показать молодой, что положеніе ея перемѣнилось, ей отсѣкаютъ косу, главное украшеніе дѣвушекъ. Это дѣлается слѣдующимъ образомъ. Родители молодого привязываютъ конецъ косы новобрачной къ гвоздю, нарочно для того вбитому въ стѣну. Новобрачный, чтобы показать свою силу и ловкость, долженъ среди пляски, выполняемой имъ съ первою провожаткою молодой, разсѣчь эту косу однимъ ударомъ топора; только послѣ этого онъ уже принимается въ общество отцевъ семейства. Но если ему этотъ опытъ не удастся, то старухи предвѣщаютъ новобрачной всякаго рода бѣды въ супружествѣ. И потомъ, когда гости расходятся домой, мужчины обливаютъ новобрачнаго водою, чтобы освободить его отъ заколдованія, которому онъ по ихъ мнѣнію подвергся.

Мужчины у Гуцуловъ никогда не стригутъ себя волосъ; отращиваютъ и усы, но тщательно остригаютъ бороду и бакенбарды. На головѣ они носятъ черную шляпу, украшенную большею частію красною лентой, павлиньими перьями и разными другими убранными, а зимой шапку изъ черной бараньей шкуры. Бѣлая холщевая рубашка ихъ, которой рукава вышиты красными, черными или синими полосками, обыкновенно хватаетъ имъ до колѣнъ; штаны у нихъ широкіе, длинные и чаще всего шьются изъ краснаго сукна. Суконное темно-сѣрое верхнее платье накладывается Гуцулу на плеча, и прикрѣпляется у затылка цвѣтною ленточкой; подъ нимъ виситъ изъ разноцвѣтной шерсти сдѣланная сумка (*дзобенка*), станъ обвить кожаными поясомъ, который украшенъ пуговками, и стягивается стальными пряжками; на немъ висятъ ножъ, огниво и курительная трубка. Обувь состоитъ изъ куска кожи, называемаго у Гуцуловъ *ходаки*. Они всегда не разлучны съ палкой, именуемою *топорекъ*, которая служитъ имъ оборонительнымъ оружіемъ и пособіемъ когда они влѣзаютъ на горы

и скалы. Изумительна ловкость, съ какою они дѣйствуютъ этимъ орудіемъ, составляющимъ въ рукахъ Гуцуловъ опасное оружіе. Молодые, не женатыя пары по старинному русскому обычаю украшаютъ свой затылокъ крестиками, четками, мѣдными изображеніями святыхъ, и проч. Женщины, между которыми рѣдко попадаются красивыя, одѣваются очень просто. Дѣвушки носятъ вмѣсто платья широкой кусокъ шерстяной матеріи, обыкновенно собственнаго издѣлія; ожерелье изъ коралловъ, жемчуговъ и бусъ изъ цвѣтнаго стекла. Онѣ заплетаютъ волосы въ красивыя мелкія косы, вплетаютъ въ нихъ красныя ленточки, не покрываютъ ни чѣмъ голову, а закладываютъ косы вокругъ головы въ видѣ вѣнчика, который украшаютъ всякаго рода разноцвѣтными лентами. Замужнія женщины носятъ на головѣ покрывало изъ тонкаго бѣлаго полотна. Зимю надѣваютъ онѣ *серакъ* или овчину, носягъ отчасти *ходаки*, отчасти цвѣтные сафьяные сапожки.

Переходимъ къ Лемкамъ, или къ сѣвернымъ Гораламъ.

Ихъ имя не произошло ни отъ мѣстности, ни отъ племенныхъ свойствъ, но отъ слова ими употребляемаго: *лемъ* въ значеніи *лишь*. Такое объясненіе можетъ показаться страннымъ, но тѣмъ не менѣе оно справедливо. Слово *лемъ* не есть русское, а словацкое, и кромѣ Лемковъ ни одинъ Русскій его не употребляетъ. Оно должно было поражать слухъ другихъ Русскихъ, которые и теперь смѣются надъ этимъ словомъ и даютъ отъ этого слова и самое прозвище. Сами же Лемки никогда не называютъ себя этимъ именемъ, а просто Русскими, и даже не всѣ знаютъ о томъ, какъ зовутъ ихъ другіе. Иногда же ихъ называютъ по верхней одеждѣ *чугоуцами* или *куртаками*. Точно также и Бойки зовутъ себя Русскими, считая прозвище данное имъ другими, обиднымъ для себя. Только одни Гуцулы зовутъ сами себя Гуцулами и гордятся этимъ именемъ.

Вообще о Лемкахъ надо сказать, что они народъ добрый, сохранившій чистоту нравовъ, народъ, который живя въ тишинѣ, далеко отъ житейскихъ бурь и страстей, сдерживается своей вѣрой и въ церкви находитъ свое прибѣжище, свою жизненную мудрость. Лемки любятъ свой обрядъ,

украшаютъ, созидаютъ храмы, и охотно приносятъ трудъ свой въ жертву церкви. Свидѣтельствомъ служатъ храмы, построенные у Лемковъ въ послѣднія, хотя довольно тяжкія для нихъ времена. Эта привязанность къ церкви и обряду своему доказывается и тѣмъ обстоятельствомъ, что сѣверные Горалы толпами идутъ на богомолье до церквей и костеловъ въ мѣстахъ отдаленныхъ. Это должно приписать сильному и живому религиозному чувству Лемковъ. Боленъ ли онъ, или постигнуло его несчастье или злая доля, или напротивъ улыбнулось ему счастье, — онъ спѣшитъ совершить религиозный подвигъ, съ величайшимъ благоговѣніемъ посѣщаетъ знаменитыя въ этомъ отношеніи мѣста Тарновца и Кобылянки, посѣщаемыя множествомъ различнаго народа изъ Галиціи и Венгріи. Онъ идетъ туда съ тѣмъ бѣльшимъ усердіемъ, что находятъ тамъ достаточное число русскихъ священниковъ передъ которыми исповѣдуются, которымъ можетъ дать приношеніе на святую жертву и слушать у нихъ литургію. Охотно посѣщали бы Лемки и русскія святыя мѣста, если бы только такія были около ихъ поселеній, и, они дѣйствительно посѣщаютъ монастырскія церкви о. Базиліанъ въ Венгріи въ Красномъ Бродѣ и Буковской Горцѣ. На Буковской Горцѣ бываетъ такъ называемый отпускъ въ день Воздвиженія честнаго Креста, въ Красномъ Бродѣ — въ пятницу передъ Сошествіемъ св. Духа. Много народа стремится туда на богомолье; но дальнее разстояніе, плохія дороги, гористое положеніе, иногда бурное время дѣлаютъ эти мѣста не всѣмъ доступными.

Религиозный духъ Лемка отражается и въ его ежедневной жизни и обычаяхъ. Онъ привыкъ всякое дѣло начинать и кончать съ Богомъ. Если случится бѣда, онъ обращается къ Богу — идетъ къ духовному отцу, чтобы и тотъ молился о прекращеніи зла, — если же дѣла у него идутъ хорошо, и жатва обильна, или получилъ какую выгоду, то идетъ снова съ благодарственной жертвой Богу. Не забываетъ онъ и усопшихъ: всякій желаетъ сродника своего похоронить честно, съ торжественностью, записать имя его въ свою книжку, чтобы, если Богъ благословитъ на хлѣбъ и имѣніи, поминки сдѣлать. Живое религиозное чувство, силь-

ная вѣра имѣють благотѣльное вліяніе на жизнь нравственную. По этому понятно, отчего у Лемковъ мало преступленій. Злодѣевъ даже вовсе нѣтъ. Лемко въ состояніи украсть лишь щепотку соли или ремень, и то если находится въ крайней нуждѣ; о болѣе крупномъ воровствѣ между Лемками не слыхать.

Съ такою же любовью привязанъ Лемко и къ землѣ, которую обрабатываетъ и на которой живетъ. Только крайняя нужда, неурожай, или недостатокъ пріюта могутъ побудить его оставить родину и идти въ чужую сторону за заработкомъ. Овсянный хлѣбъ въ своей хатѣ для него вкуснѣе, чѣмъ пшеничный на чужбинѣ. Много примѣровъ было, что Лемки, имѣвшіе на чужбинѣ хорошее состояніе, прожившіе тамъ много лѣтъ и привыкшіе, — собравши известное количество денегъ, возвращались домой, и считали себя счастливыми, что могли ѣсть на отеческомъ столѣ, тотъ хлѣбъ которымъ мать когда-то ихъ кормила. И дѣйствительно, хотя земля не плодородна, народъ бѣденъ, — однако природа прекрасна, люди добры, примодушны, сердцемъ откровенны.

Природа иначе дѣйствуетъ на жителя горъ, чѣмъ на жителя долинъ, иначе на Лемка, чѣмъ на Гуцула. Горы очень неплодородны; трудолюбивая жизнь, — но за то съ другой стороны свѣжій, чистый воздухъ, здоровая вода, иное на него имѣють вліяніе, чѣмъ богатая нива, чѣмъ не столь свѣжій воздухъ, не столь здоровая въ болотѣ текущая вода на жителя равнинъ. Недостатокъ гонитъ жителя горъ на заработки за границу своихъ соплеменниковъ, для торговли и извозничества, а необходимымъ слѣдствіемъ этого бываетъ увеличеніе понятій, болѣе развитіе и знаніе чужихъ народовъ. Лемко чрезвычайно любопытенъ, онъ желаетъ знать, что дѣлается на свѣтѣ, идетъ на ярмарку, на торгъ, прислушивается къ рѣчамъ другихъ, интересуется всѣмъ, именно же тѣмъ, что до него можетъ имѣть какое-либо отношеніе. При томъ онъ не легковѣренъ, не всякому слуху вѣритъ. У Лемковъ есть одна, свойственная и прочимъ Русскимъ, философія: „У насъ такъ не бывало; за нашихъ отцовъ того не было, а добре было на свѣтѣ.“

Лемко любить слушать о новостяхъ, но не любить ихъ вводить у себя, хотя бы отъ того была выгода. Такъ напримѣръ употребленіе каминовъ въ хатахъ полезно не только для чистоты, но и еще для меньшей опасности отъ огня. Люди видѣли выгоду, доставляемую каминомъ, но такъ какъ это нововведеніе, то они сказали: „за нашихъ отцовъ того не было, и было добре; — мы до того не навыкли;“ — и потому то у Лемковъ такъ мало хать съ каминами. Съ такою же твердостію они держатся и своихъ обычаевъ.

Хлѣбопашество не приноситъ Лемку большой выгоды; земля даетъ ему только *овесъ*, а если хорошо удобрена, то: ячмень, жито, пшеницу, горохъ, — однако въ маломъ количествѣ. Потому годовое пропитаніе Лемковъ составляютъ овесъ, бульба и капуста, которыя онъ сѣетъ и садитъ въ большомъ количествѣ. Даже въ пословицу вошло у Лемковъ, что „Лемко тогда лемъ весель, коли бульба ему зародится.“ Ячмень сѣетъ онъ для крупы и панцаковъ (толченныя въ ступѣ); пшеницу на стиранку къ праздникамъ, жито на примѣсъ къ овсяной мукъ для хлѣба. Хлѣбъ ѣсть Лемко овсяный, на половину примѣшавши житной муки, иногда пѣ бульбы, а чаще всего чисто овсяный. Житель равнины, еслибы увидѣлъ у Лемка овсяный хлѣбъ, то не могъ бы понять, какъ можно ѣсть такой хлѣбъ. Но онъ не такъ худъ, какъ можно думать: хлѣбъ овсяный не только здоровъ, но если свѣжій, то очень вкусенъ. Къ нему Лемко привыкъ (какъ и всѣ Горалы) такъ, что уже трудно отвыкнуть. Извѣстенъ разсказъ извошниковъ изъ одного села Саноцкаго округа, что когда они были въ дорогѣ недѣли три (ѣздили въ Тарнополь по збоже), то у нихъ не хватило *овсяниковъ*. Возвращаясь назадъ за Перемышлемъ они встрѣтили своихъ земляковъ, которые ѣхали въ Тарнополь. Первымъ словомъ при встрѣчѣ было: „Не маете ли вы хлѣба овсянаго?“ На счастье онъ былъ, и возвращавшіеся домой Лемки отдали цѣлый большой житный хлѣбъ за половину овсянаго. Иные хвалятъ кукурузу, и хлѣбъ изъ нея; но Лемко не промѣняетъ своего овса за кукурузу, онъ ее только въ голодное время купить для крупы, но не для хлѣба. Относительно ку-

курузы, которую Лемки называютъ тендерицей, есть у нихъ пословица:

„Тендерица най бы ся родила,
„Лемъ до насъ бы не ходила.“

Покупать и ѣсть кукурузу значить — терпѣть голодъ, Бандурки (бульбы) и капуста у Лемковъ рождаются обильно. Нѣтъ также недостатка въ льнѣ и коноплѣ.

То, чего не даетъ Лемку земля, старается онъ вознаграждать скотоводствомъ, торговлей волами и овцами. Наибольшую выгоду имѣютъ Лемки отъ овецъ. Они обыкновенно на весну уходятъ къ Бойкамъ и Гуцуламъ, въ Самборскій, Стрыйскій, иногда даже въ Коломыйскій округи, покупаютъ овецъ съ лгятами, пригоняютъ домой, лѣтомъ пасутъ, а осенью продаютъ. Это ихъ наилучшій заработокъ, ибо они дѣлаютъ сыръ (брынзу), стригутъ шерсть на одежду и обыкновенно продаютъ съ небольшимъ барышемъ на ярмаркахъ въ Рogaхъ, Осекѣ и другихъ мѣстахъ. Есть и крупные торговцы, которые осенью гонятъ овецъ въ Краковъ и тамъ выгодно продаютъ. На волахъ они выручаютъ меньше, ибо не имѣютъ большихъ пастбищъ. Да они и не имѣютъ воловъ хорошей породы, а покупаютъ ихъ въ Подоліи и Венгріи; домашніе же волы малы и слабы. Лошадей держатъ Лемки мало.

Другимъ источникомъ заработка служитъ извозничество, которымъ занимаются нѣкоторые господа, имѣющіе лошадей. Они ѣздятъ въ Тарнополь по збоже, въ Токай за виномъ, въ Краковъ, Пешть, Дебечинъ, Кремницъ, Хемницъ за другими товарами. Что это имѣетъ большое вліяніе на образованіе и расширеніе круга понятій, — нечего и говорить.

Почти каждая семья между Лемками высылаетъ одного или двухъ членовъ своихъ для заработка въ Венгрію. Женщины и мужчины, дѣвушки и парни идутъ на жнива съ серпомъ. Потомъ женщины возвращаются домой на свои жнива, а парни остаются на вымолотѣ. Заработокъ этотъ не слишкомъ великъ. Жнутъ обыкновенно за снопы, — такъ что 15-й, иногда 20-й снопъ приходится жнецу; за вычетомъ стоимости привоза сноповъ домой — заработокъ останется не-

большой. Но при этомъ нѣрѣдко собственное хозяйство Лемковъ много терпитъ. Такъ было преимущественно въ послѣдніе тяжелые года. Цѣлыя семьи шли на заработокъ въ Венгрію, предоставивъ на Божію волю хату, и засѣянное, или не засѣянное поле. Въ Венгріи, по причинѣ большаго стеченія работниковъ, должны были жать за 20-й снопокъ; на хлѣбъ давали имъ мало, воды не было; вслѣдствіе чего многіе заболѣли лихорадкой. Чтоже было дѣлать бѣднымъ больнымъ? отъ товарищей помощи ожидать они не могли, ибо тѣ сами ничего не имѣли; и вотъ больные пускались назадъ во свояси. Но какъ же больному и бѣдному идти? напрягая свои остальные силы, несчастные должны были умирать на дорогѣ. Многіе впрочемъ пришли къ себѣ домой, въ родное село; но истощенные не имѣя и дома необходимой помощи болѣли и умирали. Если послѣ нихъ оставались малыя дѣти, то ихъ разбирали по людямъ, а что было въ хатѣ и полѣ, то исчезало. Иному хотя и посчастливилось перенести голодъ, вернуться домой здоровымъ, но заработокъ его не могъ вознаградить убытковъ, которые произошли отъ разстройства хозяйства въ его отсутствіе. Хата облетѣла, луга остались некошенными, траву — въ горахъ столъ важную въ хозяйствѣ — сѣвъ сечь, огороды не полоты: словомъ все опустошено, обвѣдло. Всѣ эти утраты вознаградить было не въ его силахъ; доведенный до крайней нужды Лемко продавалъ остальную скотину, потомъ стайню, потомъ стодолу, наконецъ и цѣлую хату, а самъ шелъ искать между людьми средствъ къ жизни. Это повело къ тому, что села и ихъ населеніе въ послѣднее время уменьшились.

Лемки имѣютъ еще другой источникъ дохода: они выдѣлываютъ лопаты, вѣялки, гонты, и проч. Но нельзя умолчать, что Лемки не привыкли къ тяжелой работѣ. Лемко жнетъ хуже чѣмъ житель долины (у Лемковъ мужчины наогда серпа въ руки не возьмутъ); но къ кошенью травы, или овса Лемки способны.

Лемки, какъ весь народъ русскій, очень любятъ пѣть. Жнетъ ли женщина, гребетъ ли сѣно, доить ли корову, или мелетъ на жерновахъ,—всегда сопровождаетъ свою работу

пѣніемъ. Дѣвицы при всякомъ занятіи и во всякое время поютъ; онѣ молчатъ только тогда, когда отъ пѣсни удерживаютъ ихъ присутствіе постороннихъ, или домашнее горе, или какое другое обстоятельство. Удивительно, какъ онѣ при жатвѣ, будучи принуждены цѣлый день нагибаться до земли, могутъ пѣть. Поютъ всѣ въ одинъ голосъ, не мѣшая другъ другу. Пѣніе жачекъ бываетъ особенно хорошо, когда онѣ жнутъ при мѣсяцѣ. Тихій вечеръ, чистое небо, свѣтлый мѣсяцъ, свѣжій воздухъ уже сами въ себѣ имѣютъ столько прекраснаго, что наполняютъ душу сельчанъ радостнымъ и тихимъ чувствомъ. Никогда пѣсня не трогаетъ такъ человѣка, какъ вечеромъ, когда природа покрылась таинственной тѣнью. Кто не испыталъ этого, пусть выйдетъ вечеромъ при свѣтѣ мѣсяца на тихую луговину и послушаетъ пѣсни Лемковъ возвращающихся съ молокомъ отъ кошаръ, или прислушается къ фуяркамъ и сопѣлкамъ югасовъ. Въ долинахъ этого встрѣтить нельзя. Къ тому же у Лемковъ есть такой обычай, что когда одна дѣвушка начнетъ какую-нибудь пѣсню, то ту же пѣсню подтягиваетъ другая слышавшая ее, далѣе третья, и такъ на всѣхъ горахъ и холмахъ, гдѣ случится въ это время какая-нибудь дѣвушка, раздается одна пѣснь, однимъ и тѣмъ же напѣвомъ. Парни мало поютъ,—на работѣ никогда, только находясь при стадахъ, да и то болѣе играютъ на сопѣлкахъ и фуяркахъ, или же во время пляски. Но дѣвушки и женщины при танцахъ не поютъ.

Пѣсни Лемковъ можно раздѣлить на распѣваемые при работѣ, при пляскѣ и во время отдыха, на пѣсни свадебныя и колыбельныя. Первые по содержанію и происхожденію *словацкія*. Онѣ поются чаще на полусловацкой и полурусской рѣчи, и воспѣваютъ предметы болѣе близкіе Словакамъ, чѣмъ Русскимъ. Правда, есть пѣсни чисто русскія, но ихъ очень мало, да и содержаніе ихъ таково, что можно отнести ко всякой народности. Большинство же пѣсенъ и по формѣ, и содержанію не русскія: рѣчь перемѣшана съ словакизмами, понятія заимствованы у Словаковъ; имена въ нихъ встрѣчающіяся Марца, Ганца и Яничко, самыя любимыя у пограничныхъ Словаковъ и Венгерскихъ Русскихъ. Содержаніе пѣсенъ раз-

лично. Онѣ воспѣваютъ то тоску по миломъ или милой, то радость и любовь. Большая часть пѣсенъ составлена такимъ образомъ, что въ первой половинѣ представлена картина природы, во второй же самое чувство радости, или грусти, или другое чувство. Относительно мотивовъ, на которые онѣ поются, то ихъ считаютъ не болѣе трехъ, и притомъ не очень отличающихся другъ отъ друга. Заимствованъ ли и напѣвъ отъ Словаковъ? вопросъ этотъ долженъ быть скорѣе рѣшенъ утвердительно, ибо народъ выучивается пѣснямъ вмѣстѣ съ голосомъ. Пѣсни употребительныя при танцахъ также на половину русскія, на половину словацкія, и напѣвъ ихъ обыкновенно отвѣчаетъ танцу, для котораго онѣ составлены. Народъ заимствуетъ эти пѣсни въ Венгріи, во время пребыванія тамъ на заработкахъ, приноситъ ихъ домой и учитъ другихъ. Новость людямъ нравится, потому они ее перенимаютъ, поютъ, а потомъ переиначиваютъ на свой ладъ, замѣняя словацкія формы и окончанія русскими, такъ что пѣсня сначала бываетъ словацкою, потомъ словакорусскою, и наконецъ внѣшнимъ своимъ видомъ становится русскою.

Еще есть пѣсни свадебныя. Онѣ чисто-русскія; словацкая стихія не имѣла на нихъ вліянія: въ нихъ сохраненъ духъ чисто-русскій, языкъ ихъ болѣе чистый, чѣмъ въ другихъ пѣсняхъ. Онѣ носятъ на себѣ признаки древности и повѣствуютъ о старинной славѣ народа, о его богатствѣ. Далѣе слѣдуютъ пѣсни колыбельныя. Онѣ также болѣею частію русскія; напѣвъ унылый, но свободный. Онѣ говорятъ про дѣтскую невинность, про материнскую любовь къ дѣтямъ, про жизнь послѣднихъ въ возмужаломъ возрастѣ. Есть пѣсни, которыя поются на вечернѣ великимъ постомъ. Ихъ содержаніе относится къ будущности, которая ожидаетъ человѣка послѣ смерти; онѣ повѣствуютъ о ничтожности земныхъ благъ, о разставаніи души съ тѣломъ, о судѣ души, и очень назидательны. Такихъ пѣсенъ не много, но онѣ замѣчательны по содержанію и по своему мрачному напѣву,—и едва ли ихъ происхожденіе не восходитъ къ древнимъ временамъ.

Хата Лемка хотя низка, но чиста, такъ чиста, какъ это

только можетъ быть въ хозяйствѣ крестьянина. Лѣтомъ хаты большею частію заперты; всѣ идутъ на цѣлый день на полевая работы, только къ полудню возвращается хозяйка домой доить коровъ, а передъ вечеромъ она прежде всѣхъ спѣшитъ въ хату, чтобы приготовить ужинъ для возвращающагося мужа съ дѣтьми и работниками. Есть обычай лѣтомъ выходить на полевая работы чисто одѣвшись; этотъ обычай парни и дѣвушки всегда исполняютъ. Зимой хозяйка съ дочерьми и младшими дѣтьми сидятъ въ хатѣ, вмѣстѣ прядутъ, поютъ и говорятъ, иногда рассказываютъ другъ другу сказки; хозяинъ же съ сыновьями молотитъ на гумнѣ, и только вечеромъ участвуютъ они въ бесѣдахъ съ женщинами.

Лемки, ужъ какъ жители горъ, должны отличаться своимъ короткимъ, легкимъ одѣяніемъ отъ жителей долинъ. Но они отличаются одеждою даже и отъ прочихъ жителей горъ. У Лемки есть одна одежда „чуга“, которой больше нигдѣ у Русскихъ не найдешь, и которая сдѣлана на подобіе плаща съ длинной пелериной чрезъ плечи, спадающей на долъ, на которой находятся „тороки“, и по которымъ прочіе Рускіе зовутъ Лемковъ „свѣчкарами“.

Одежда у всѣхъ Лемковъ, можно сказать, одна и та же, но взглянувъ въ нее ближе, нельзя не замѣтить различія. У Лемковъ Сандецкаго и пограничной части Ясельскаго округа „чуга“ нѣтъ; они имѣютъ только длинныя, даже по колѣна, гуни изъ бѣлаго сукна; у нихъ нѣтъ верхнихъ лѣтнихъ штановъ, только холошни; да и видъ капелюха иной. У Лемковъ Ясельскихъ по рѣкѣ Вислоку есть уже и чуга, и верхніе лѣтніе штаны, но чуга — изъ сѣраго сукна съ тороками на пелеринѣ и на рукавахъ. У Лемковъ между Вислокою и Балигородомъ есть черная чуга съ тороками только на пелеринѣ; за Балигородомъ же на чугѣ тороковъ нѣтъ, а штаны лѣтніе только въ праздникъ носить. Изъ этого общаго взгляда на одежду Лемковъ видно, что въ мѣстности, лежащей между Вислокою и Балигородомъ, находится ихъ средоточіе, отъ котораго идутъ постепенно и соотвѣтственно измѣненія въ одеждѣ къ западу и востоку. Откуда взялась чуга у Лемковъ, заимствована ли отъ сосѣднихъ пле-

мень, или составляет собственность Лемковъ отъ самой древности? рѣшить трудно. Надо замѣтить, что чуга весьма рѣдко надѣвается въ рукава, которые бывають зашиты цѣлое лѣто и служатъ вмѣсто кармановъ. Штаны у Лемковъ вышиты синими, иногда красными суконными полосами. Зимой носятъ бѣлые холошши; лѣтніе же штаны шьются изъ бѣлаго полотна. Богатые хозяева имѣють праздничные штаны изъ синяго сукна. Холошши и суконные штаны всегда вкладываются въ холяву. При штанахъ всегда очень длинный, красный, украшенный пуговицами (гузниками) ремень, которымъ можно опоясаться два или три раза. Гунька Лемковъ короткая, бѣлая или черная, совершенно такого же покроя, какъ гуцульская. У Лемковъ есть также „лейбики“ (родъ камзола) изъ синяго сукна съ пуговицами въ два или три ряда по обѣимъ сторонамъ, по бокамъ и назадъ доломъ.

На головѣ Лемки носятъ круглые черные капелюхи съ очень широкими, къ верху загнутыми крыльями,—похожіе, но не совсѣмъ, на венгерскіе. На капелюхъ снурокъ или стяжка широкая съ кистями, за которой у парней цвѣты или павлины перья. Зимой носятъ низкія шапки особеннаго вида, которыя можно спустить даже на уши. Высокія шапки „на завѣсахъ“, какія есть у прочихъ Русскихъ, у Лемковъ были давно въ употребленіи, теперь же ихъ нигдѣ не видно. Ходаки, у Лемковъ такъ-называемые „жерпци“ въ употребленіи, какъ вообще у всѣхъ Гораловъ. Парни въ праздники и для танцевъ надѣвають чоботы „скѣрни“ съ острогами. Замѣчательно, что мушины носятъ сорочки съ распоромъ обращеннымъ назадъ. Это многихъ удивляетъ, но очень отвѣчаетъ цѣлому одѣянію Лемка.

Женщины въ одеждѣ больше сходятся между собою, чѣмъ мушины; различіе, если оно гдѣ есть, состоитъ только въ повязкѣ головы хусткою, да въ формѣ корсетовъ и коралей—„пацюрокъ“. На головѣ женщины носятъ большую частію бѣлыя хустки; при работѣ, преимущественно домашней, старшія женщины надѣвають хустки синія съ бѣлыми или желтыми точками. Старыя женщины въ праздники обыкновенно носятъ красныя хустки. Повязываются

такъ, что остается одинъ длинный конецъ и спадаетъ черезъ плечи на доль. Дѣвушки никогда не повязываются, но всегда съ голой головой ходятъ; волосы заплетены въ одну косу. Корсеты бываютъ или изъ синяго сукна, или красные, или изъ иной какой матеріи свѣтлаго цвѣта; они по рѣкѣ Вислоку всегда „плыткіе“, отъ Вислока же начиная ничѣмъ не отличаются отъ мужскихъ лейбиковъ. Безъ корсета женщина лѣтомъ на полевья работы не выйдетъ.

Для ежедневнаго употребленія—сподницы („кабаты“) синія съ бѣлыми точками, въ праздники же бѣлые съ цвѣтами, и эти называются „картанами“. Богатыя женщины имѣютъ иногда шелковыя зеленыя сподницы съ серебрянымъ голенымъ доломъ, которыя называются преимущественно „сподницами.“

Женщины обуваются въ ходаки, но въ церковь нужны венгерскіе чоботы („скорни“)—черные или желтые: „сафьяны.“ Шестнадцати-лѣтней дѣвушкѣ уже стыдно итти босой въ церковь. Идя въ церковь, женщины несутъ чоботы въ рукахъ, при входѣ въ церковь обуваются, послѣ службы снова разуваются и босыя возвращаются домой.

Сверху женщины и дѣвушки надѣваютъ „полку“—длинную, но узкую, вдвое сложенную плахту, на тотъ манеръ, какъ женщины высшаго сословія носятъ „шалъ“. Безъ полки нельзя выйти ни въ церковь, ни въ гости, ни въ другое село. Долгія и широкія плахты женщины употребляютъ только зимой при работѣ, или въ путешествіи,— для путешествія же служатъ и сердаки, въ родѣ гуньки, но хватающіе только по поясъ. Красивая, свойственная лишь Лемчанкамъ, одежда есть *мента*. Она не что иное, какъ юбка, подшитая лисьимъ мѣхомъ, вышита спинами тесьмами; сукно на ней должно быть зеленое. Всякая молодая въ вѣнцу должна идти въ ментѣ, и если сама ее не имѣетъ, то выпросить у другой. Дружка также безъ менты не обойдется.

Для женщинъ и дѣвушекъ необходимы стяжки (стужки). Онѣ должны быть при кораляхъ, при косѣ и подъ шей. Для коралей и косы употребляются узкія, подъ шею

же широкія стужки. Надо еще упомянуть о „пацержках“, которыя обыкновенно носят женщины; онѣ бываютъ красныя и бѣлыя, черныя обозначаютъ печаль.

Замѣчательнѣе переходъ въ одеждѣ отъ юга къ сѣверу, отъ Бескида далѣе въ Галицію. Лемки, живущіе подъ самымъ Бескидомъ, въ одеждѣ болѣе имѣютъ сходства съ венгерскими Русскими чѣмъ тѣ, которые удалены отъ границы.

Сосѣди Лемковъ, какъ уже было сказано, Словаки, венгерскіе Русскіе и Мазуры. Венгерскіе Русскіе въ рѣчи, одеждѣ, вѣрѣ и въ большей части обычаевъ очень сходны съ Лемками; потому о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ нечего говорить *). Остается сказать только объ отношеніяхъ ихъ къ Словакамъ и Полякамъ.

Лемки хотя и граничатъ съ Поляками, хотя постоянно находятъ съ ними въ сношеніи въ городахъ, торгахъ и ярмаркахъ, однако рѣзко отличаются отъ нихъ. Лемко никакъ не въ состояніи выучиться говорить по-польски. Нельзя удержаться отъ смѣха, когда торгуются Русскій и Полякъ: одинъ хотѣлъ бы сдѣлать пріятное и заговорить другаго, но дѣло не клеится, коверкаются слова, но изъ этого ничего не выходитъ.

Что Лемку трудно выучиться говорить по-польски, доказательствомъ служатъ: многіе извозчики, которые часто ѣздятъ въ Краковъ, въ дорогѣ и городахъ находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Поляками; многіе служащіе въ городахъ, многіе солдаты, которые стоятъ по городамъ, которые имѣютъ возможность выучиться говорить по-польски, — но не знаютъ по-польски ничего. Лемку трудно выговаривать польскіе звуки, и нужно долго ему упражняться, чтобы онъ чисто говорилъ по-польски, чтобы не затруднялся въ произношеніи. Тѣмъ менѣе надѣнетъ Лемко

*) О венгерскихъ Русскихъ см. прекрасную книгу: *H. Biderman*, Die ungarischen Ruthenen, ihr Wohngebiet, ihr Erwerb und ihre Geschichte; Th. I. (Innsbruck, 1862), — также статьи г. *Троянскаго*, составленныя на основаніи этой книги и помѣщенныя въ „Современной Лѣтописи“ за 1863 годъ, подъ заглавіемъ: „Русское племя въ Венгріи.“

на себя польскую одежду, которая нисколько не походитъ на его одѣяніе.

Совершенно иное вліяніе имѣютъ на Лемковъ Словаки. Мы уже видѣли какъ охотно Лемки выучиваютъ словацкія пѣсни, приносятъ ихъ домой, поютъ, и другихъ учатъ. Хотя пѣсни эти со временемъ дѣлаются русскими, но онѣ безспорно имѣютъ вліяніе на языкъ. Однакожь на народный говоръ имѣютъ вліяніе не столько пѣсни, сколько самый языкъ Словаковъ, которому Лемки выучиваются въ Венгрии во время заработковъ. Лемки вообще видятъ въ словацкомъ языкѣ что-то высшее, чѣмъ ихъ русскій языкъ,—оттого ли, что по словацки говорить народъ болѣе богатый чѣмъ они, или оттого, что Словаки такъ богаты пѣснями. Какъ бы то ни было словацкій языкъ ближе къ русской рѣчи чѣмъ польскій; звуки словацкой рѣчи Русскому легче выговаривать чѣмъ польскіе. Читатели пусть не удивляются; ибо при этомъ надо имѣть въ виду не чистый русскій языкъ, а испорченную рѣчь Лемковъ. Такой языкъ переимчивая молодежь заимствуетъ въ пѣсняхъ и разговорѣ, имъ говорить и приносить его домой, гдѣ, желая познакомиться, свое знакомство съ свѣтомъ, не только поетъ словацкія пѣсни, но и по словацки говорить.

Остается замѣтить, что на открывающейся этнографической выставкѣ читатели встрѣтятъ среди остальныхъ Славянъ также группу, изображающую карпатское население — Гуцуловъ, Бойковъ, Лемковъ и венгерскихъ Русскихъ.

Цѣна 10 коп. серебром.

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES

0036680516

302.9477
P814

08969949

~~302.9477~~
302.9477
P814 C1

